

М. М. Стельмак, Д. И. Петин

**Российская революция: Слово и Дело
[Рец. на кн.: Слова и конфликты:
язык противостояния и эскалация
гражданской войны в России / под ред.
Б. И. Колоницкого и др. СПб.:
Изд-во ЕУСПб, 2022. 328 с.
(Эпоха войн и революций; вып. 16)]**

В 2022 г. в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге вышел сборник статей «Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России», ориентированный на анализ понятий, использовавшихся в годы революции и гражданской войны («смута», «гражданская война», «гражданский мир», «большевизм», «анархия», «вождь», «гражданин»), их разночтений, восприятия в различных политических лагерях. Авторы издания — десять ученых из РФ, США, ФРГ, Японии. Работы поделены на рубрики: «Языки конфликта: гражданская война, смута и анархия», «Языки согласия: гражданский мир и порядок», «Власти и идентичности: вожди, граждане и республика», «Политические образы врага: большевизм и “большевизмы”».

Труд предварен введением ответственного редактора Б. И. Колоницкого (с. 7–34). Дав ключевые ответы о выборе темы издания, он обозначил актуальность изучения истории Гражданской войны в России ввиду того, что лишь 5 % войн текущих лет были межгосударственными конфликтами, а число гражданских войн XXI в. с трудом поддается учету. Не так много развитых стран обошлись без революций и гражданских войн (Австралия, Дания)¹.

Б. И. Колоницкий отметил, что террор всех противоборствующих сторон сопровождал вооруженный этап гражданской войны в России. Масштабному насилию предшествовали оправдание этого насилия, его упреждающая дискурсивная легитимация. Хотя культурная, языковая подготовка к гражданской войне не всегда ведет к ней, но является необходимым условием (с. 9). Б. И. Колоницкий

**Стельмак
Максим Максимович**
канд. ист. наук,
Исторический архив
Омской области
(Омск, Россия)

**Петин
Дмитрий Игоревич**
канд. ист. наук,
доц., Омский
государственный
технический
университет
(Омск, Россия)

отметил использование в трудах сборника многоплановых и разнородных источников (документов партий, художественных текстов, публицистики, дневников, писем, политических словарей), а также стремление авторов отказаться от телеологического видения гражданской войны. Недостаток (особенность) ряда исследователей — то, что, зная о последующих событиях, они уделяют внимание предыстории лишь реализованного в действительности сценария, что может мешать анализу не менее важных альтернатив. Из-за этого фаза гражданской войны часто воспринимается как нечто неотвратимое. Поэтому большим плюсом сборника стало стремление авторов уделить внимание изучению попыток избежать гражданской войны (с. 11–12). Читатель видит, что авторы уходят от клише «история не знает сослагательного наклонения», которое подчас сразу призывает отсекаать альтернативы. Часто упускают из виду, что эту идею («история не знает слова “если”») высказал профессор К. Хампе (1869–1936). Более известную формулировку об истории, не терпящей сослагательного наклонения, произнес И. В. Сталин. Историк С. С. Неретина отмечает: «Оказывается, знает, *если* найдены новые документы, *если* возникла мысль о новом истолковании, *если* правда становится ложью, *если* ложь намеренно объявлена правдой и пр. В этом смысле мы всегда проигрываем историю как бы заново, тасуя документы, генеалогии (считал отцом и матерью одних, оказалось — иные), помыслы и смыслы, отчего ее пути могут быть пройдены многократно»². Авторы рецензируемого издания стараются взглянуть на формирование следования к событиям Гражданской войны, осмыслению (не) возможности иных путей к трагической эпохе.

К. В. Годунов, тщательно соотнося риторику большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов, а также эго-источники, оценивает политическое использование понятия «гражданская война» весной 1917 г. различными политическими силами³. Одни (М. В. Родзянко) использовали этот термин в закулисных переговорах; другие (П. Н. Милюков, Н. С. Чхеидзе) говорили о гражданской войне публично. Угроза внутреннего столкновения даже могла легитимировать ряд важных политических решений (с. 39–40). Тяжелая ситуация в стране порождала острые кризисы, приводя к силовым акциям. По мнению К. В. Годунова, не удивляет, что политики с разными взглядами — от консерваторов до большевиков — использовали образ противостояния для лобби своих политических проектов, обвиняя друг друга в развязывании гражданской войны и способствуя уже весной 1917 г. включению понятия в политический дискурс. В итоге в сознании масс противостояние стало неизбежным, предсказанным, истинным (с. 44, 58–59). Отмечая важность этого фактора, все же укажем, что причины этапа силовой эскалации не ограничиваются взаимным накручиванием представителей разных лагерей, а лежат и в событиях до 1917 г.

А. В. Шмелев говорит о наименованиях событий 1917–1922 гг. современниками из числа людей консервативных взглядов⁴. Не все политики тогда проводили аналогии с Великой французской революцией. Правые силы предпочитали в речах иной набор параллелей, ссылаясь на образ Смутного времени. К пониманию событий Гражданской войны этот период стал «упрощенной аналогией» и самодовлеющим понятием, определившим политическое мышление

поддерживающих его лиц (групп). Белые идеологи, рассуждая об обеспечении победы, «ждали» народное ополчение, которое спасет Россию (с. 63). Смутное время как «ресурс» для грубых исторических аллюзий, успешно использовалось в белой пропаганде. Смута доходила от метафор в полемике до попыток реальных масштабных реконструкций. Пример тому — риторика М. К. Дитерихса (Земский собор, Земская рать), объявившего себя в 1922 г. в Приморье «князем Пожарским нового времени»⁵, «копировавшая» Русь позднего Средневековья (с. 65). Термин «Смута» применяли П. Б. Струве, П. Карачаров; последний отвел роль «нового князя Пожарского» А. И. Деникину (с. 66–67). А. В. Шмелев обозначил роль иностранной интервенции: и Струве, и Качаров указывали на тождественность поляков современным им иностранцам, состоявшим на службе в РККА. Но, затронув этот вопрос, можно было бы остановиться на анализе действий иностранных союзников белого движения, как их вмешательство интерпретировалось у сторонников метафоры со Смутным временем. Ведь только на востоке России к 1919 г. присутствовали их значительные силы⁶.

А. В. Шмелев описал споры русской эмиграции о том, какие события истории России есть «революция», а какие — «смута», подчеркнув, что эта полемика не была беспредметна, привлекая маститых личностей. Так, Г. А. Ландау события 1905 г. представлял как «последнюю настоящую революцию», а февраль 1917 г. стал началом «смуты». С ним полемизировала З. Н. Гиппиус, считавшая началом «Смуты» октябрь 1917 г. Эта дискуссия нашла отражение в журнале эсеров «Воля России» (с. 72–74, 80).

Д. И. Иванов разбирает контекст применения понятий «анархия», «анархисты» различными политическими лагерями накануне и в годы Гражданской войны⁷. Если А. В. Шмелев подчеркивает, что термин «Смутное время» использовал скорее правоцентристский блок, то Д. И. Иванов показал, что понятие «анархия» от всех политических сил (кроме самих анархистов) получило негативный смысл. В появившихся после революции словарях пытались все разграничить понятия «анархия» (беспорядок, хаос) и «анархизм» (учение). В справочниках, связанных с консервативными кругами, анархизму (анархии) давались резко отрицательные определения. В статье для взвешенного освещения даны характеристики этих терминов из прессы анархистов, желавших развеять распространенные стереотипы. Автор резюмирует: российским анархистам в 1917 г. пришлось самостоятельно выстраивать описание своего идеала в конфронтации с альтернативными нарративами, что увеличивало конфликтный потенциал движения анархистов (с. 84, 87).

В мае — июне 1917 г. печать в разговорах об анархии весьма легко переходила от обсуждения ответственности к поиску врагов. И газеты могли проводить различие между «хорошими» анархистами, поддерживающими войну (П. А. Кропоткин), и «дурными», к которым относили и В. И. Ленина. Традиционно анархисты уравнивались с бандитами и взломщиками. Автор считает, что разнообразие образов «анархии» и то, что общественно-политические силы наделяли это слово самыми разными значениями, говорило об универсальном использовании понятия в политической борьбе. Что, впрочем, отмечали и карикатуристы. Д. И. Иванов приводит примеры важных парадоксальных ситуаций,

когда противники анархии активно призывали к организованности, по сути, не видя, что за это же выступают и анархисты. По изданиям организаций анархистов Москвы, Саратова, Красноярска видно, что сами представители течения выступали против хаоса, беспорядка, нехватки организованности. Но в итоге дискуссии о проявлениях «анархии», способах борьбы с нею сами по себе стали механизмом политической мобилизации, способствовавшим поляризации (с. 91, 100, 102). Освещая со всех сторон мотивы и трактовки использования термина «анархия», Д. И. Иванов разоблачает мифы об анархистах. Историк темы А. В. Шубин отметил: «Анархия и анархизм. Что только не понимают под этими словами — бессмысленный и беспощадный бунт, общественный хаос, стремление к беспорядку и насилию. Как это далеко от идеалов общественного течения, которое вот уже полторы сотни лет вносит свою лепту в развитие человечества»⁸.

Труд И. В. Саблина посвящен использованию понятия «гражданский мир», практическим попыткам его установления в 1905–1922 г. через парламентские учреждения⁹. Важность этой работы — в тщательном разборе причин 1917 г. и Гражданской войны. По сути, использование терминов «гражданская война», «гражданский мир», «внутренний мир» предшествовало событию, известному в историографии как Гражданская война в России. Они присутствовали между событиями 1905–1907 и 1917 гг. и в 1917–1922 гг. (с. 105). Как и во многие политические термины начала XX в., в эти слова вкладывались разные смыслы. Даже депутаты Госдумы видели урегулирование положения в стране и приход к внутреннему миру в разных плоскостях. На первом заседании Госдумы кадет И. И. Петрункевич взывал к тому, чтобы свобода России «не стоила больше никаких жертв», «к миру и согласию». Параллельно тема достижения мира через победу над внутренним врагом была характерна для крайне правой риторики (с. 109). Так, на заседании 28 октября 1909 г. октябрист А. Д. Протопопов ради «мира» защищал экономические организации рабочих и их компромиссы с предпринимателями. Социал-демократ И. П. Покровский выступил резко против подобной деполитизации рабочего движения (с. 111). Трансформация понятия «мир» шла и далее. Автор указывает общие особенности таких изменений в ряде стран. С началом Первой мировой войны, как и в других воюющих государствах, в России «внутренний мир» стал означать приостановку внутриполитической борьбы ради победы во «внешней» войне. Но в феврале 1916 г. ряд лидеров партии кадетов разочаровался в политике «внутреннего мира», ибо она лишь вела к уступкам правительству (с. 113).

В 1917 г. выражение «гражданский мир» вызвало неприятие у социалистов, ассоциируясь с продолжением войны, отчего возникла потребность говорить о «мобилизации всех живых сил страны» (понятие, с разными значениями использовалось с 1906 г.) (с. 115). В конце 1917 г. стало популярно понятие «гражданская война». Причем большевики для легитимации действий стали использовать выражение «справедливой гражданской войны», обвиняя своих противников в развязывании «гражданской войны». После 1917 г. лозунг «гражданского мира» активно звучал у ряда политических сил. И. В. Саблин считает, что в 1905–1922 гг. в России понятие «гражданский мир» являлось важной

частью политического дискурса, хотя толкование термина варьировалось. Но в 1922 г. смысл, вкладываемый большевиками в понятие «гражданский мир», вернулся к его интерпретации анархистами в 1905 г. и заключался в победе над противниками в «гражданской войне» (с. 125–127).

Схож с предыдущими работами труд М. Е. Разинькова — он трактует понятие «мир» в дискурсе политических сил на революционном этапе¹⁰. Так, в 1917 г. смыслы, включавшиеся в термин «мир», тесно связывались с завершением Первой мировой войны и недопущением Гражданской, хотя требования мира не всегда сочетались с его немедленным заключением. Автор приводит в пример съезд партии эсеров в июне 1917 г. С одной стороны, эсеры осуждали обе войны, а с другой — союз с Великобританией и Францией представлялся одновременно нежелательным и необходимым. Они призывали к переговорам, миру без аннексий и контрибуций, но считали необходимым стратегическое единство фронта с союзниками (с. 129). Спорным видится упрек автора эсерам за их представления об ответственности политико-экономических элит за развязывание Первой мировой войны: стремление к войне было так или иначе свойственно всем странам-участницам того конфликта¹¹.

К концу 1917 г. идея сохранить внутренний мир все больше связывалась с деятельностью Учредительного собрания. Лозунги о необходимости его созыва разделяли в российской провинции и большевики. Они, как и ряд их оппонентов, призывали иные партии объединиться под знаменами СНК РСФСР, предлагая свою модель примирения (с. 133). Но политический язык конфликтного пространства 1917–1918 гг. не дал примеров устоявшихся понятий с конкретными смыслами. Для многих общественно-политических сил «мир» был согласием внутри революционной демократии; согласием между трудовыми слоями населения; общенациональным согласием; прекращением внешней войны немедленно или в ближайшей перспективе; прекращением внешней войны в форме победы. Порядок с основой на революционной сознательности (законности) виделся как борьба с «анархией»; сохранение сословных прав; обеспечение общенационального согласия (с. 147).

Специалист по биографии Л. Д. Троцкого А. В. Резник в статье ставит целью рассмотрение дискурсов Гражданской войны и дискурсов сакрализации революционных вождей в их взаимодействии¹². Он указал, что лишь недавно в историографии наметился подход к аналитическому разграничению деятельности политиков и бытования их образов как автономных, часто независимых факторов политического процесса. Автор начинает с указания, что уже к октябрю 1917 г. процесс радикализации и «большевизации» включал одним из компонентов здравницы в честь вождей (с. 154). Армейские съезды укрепили политический авторитет новой власти. Соотнося высказывания на этих мероприятиях в конце 1917 г., автор определяет место Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого в советской иерархии относительно В. И. Ленина. Но сам по себе язык приветствия не был «большевистским» или «советским» (с. 158–159).

А. В. Резник показывает, что в двух речах Троцкого, произнесенных в конце 1917 г., упомянута и гражданская война. Такие формулировки могли оказать прямой агитационный эффект на массы, но были напечатаны лишь в «Известиях»,

не имея резонанса. Речь Троцкого в Казани 11 сентября 1918 г., где прозвучала формула «священная гражданская война», была опубликована через пять лет. Выходившая с 16 июля по 4 августа 1918 г. газета «Гражданская война» показывает, что сакрализация вождей занимала подчиненное положение. При необходимости автор мог цитировать Ленина, но в центре внимания оставалась именно гражданская война. А. В. Резник резюмирует, что советские лидеры могли де-факто артикулировать здравницы гражданской войне, чаще в косвенной форме, но системно это не приводило к воспроизводству их лозунгов в политической пропаганде красных (с. 160–161).

Но речи вождей позднее способствовали приведению в жизнь жестких мер. Так, на общеармейском съезде 11 декабря 1917 г. выступал Н. В. Крыленко. Его речь как человека, чей авторитет был укреплен поддержкой делегатов съезда, стала одним из многих источников легитимации террора. Уже покушение на Ленина 1 января 1918 г. привело к интенсификации его культа, весьма продуктивно обрамляемого риторикой устрашения врагов (с. 167). Это важно для понимания политической ситуации в 1918 г. А. В. Резник указывает, что ведущие исследователи культа Ленина не уделяют внимания этому покушению. Прослежено изменение дискурса с началом полномасштабной гражданской войны (мятежом Чехословацкого корпуса, образованием Восточного фронта РККА). Но это не вело к немедленным изменениям в политической риторике. На убийство В. Володарского 20 июня 1918 г. первая реакция «Петроградской правды» была сдержанной. Но после покушения на Ленина в Москве и убийства 30 августа 1918 г. М. С. Урицкого в Петрограде легитимация политического насилия обрела более радикальные формы (с. 171, 174–175). А. В. Резник приходит к выводу, что репертуар чествования вождей, использование их образов в связи с легитимацией гражданской войны широко распространился на уровне политических практик, пик которых пришелся на период красного террора и первой годовщины Октября. Но между понятиями «вождь» и «гражданская война» сохранялись просветы и щели, которые указывали на возможность гражданского мира (с. 179).

Е. Икэда изучил значение понятия «гражданин» в революционных условиях, словесную борьбу вокруг него¹³. С весны 1917 г. этот термин звучал везде. Временное правительство тогда подтвердило намерение обеспечить страну твердыми нормами о гражданском равенстве, и слово «гражданин» стало эмблемой обновления общества. Автор уделил внимание работе по введению данного понятия в законодательство. Но с этим термином, как и с другими, история во многом повторялась: каждая политическая сила употребляла слово «гражданин» с собственным смыслом. Либералы подчеркивали необходимость продолжать войну и сохранять порядок, и это становилось, с их точки зрения, обязанностью граждан. Социалисты выделяли особую миссию определенных социальных слоев — рабочих, крестьян, солдат — граждан свободной страны. Автор указывает, что, несмотря на разницу мировоззрения, все политические силы были едины в разделении общего взгляда на «гражданин» как на объект просвещения (с. 185–187).

Многие книги и брошюры перечисляли права и обязанности гражданина. Но толкования этого понятия порождало противоречия, поскольку зачастую издания призывали, с одной стороны, к сдерживанию активности масс, с другой стороны — к росту уровня их политической образованности. Вместе с этим постепенно слово «гражданин» социалисты стали употреблять и как символ объединения, но и как знак разъединения (с. 191–192). После октября 1917 г. большевики использовали слово «гражданин», подчеркивая солидарность с революционными массами; жители РСФСР объявлялись гражданами. Несоветские силы употребляли понятие «гражданин» как оружие сопротивления новой власти и применение этого понятия как маркера «чужого» не исчезло. Е. Икэда считает, что еще до апрельского кризиса 1917 г. слово «гражданин» наделялось противоположными смыслами, используясь в борьбе различных партий. На протяжении 1917 г. шла гиперболизация общества, что также стимулировало интенсивное и полисемантическое использование понятия «гражданин» в политическом дискурсе (с. 198–203).

Д. И. Иванов разбирает разночтения в использовании общественно-политическими силами понятия «республика» в 1917 г.¹⁴ Официально Российскую республику провозгласили лишь 1 сентября 1917 г., но уже в марте звучала мысль о том, что раз царя свергли, то республика уже установилась. К слову «республика» часто ставили прилагательное «демократическая», считая, что иной она и не может быть. Политическая публицистика тогда советовала читателю отвергать не только самодержавие и монархию, но и исключать аристократическую или буржуазную версии республиканского строя, сильную президентскую власть, двухпалатный парламент, настаивая на всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании (с. 208). Поддержка республиканского устройства считалась всеобщей.

Автор разбирает и другие политические проекты. Так, эсеры-максималисты выступали под лозунгом «трудовой республики», предполагая прямую демократию и социализацию промышленных предприятий, земли. Позже максималисты приняли участие в выработке советской конституции 1918 г. Наиболее заметную критику идеи демократической республики озвучили большевики. В разных трактовках термин «демократия» обретал оттенки противопоставления буржуазной республике. Но республиканскую риторику использовало и правое крыло. Так, в программу созданного в мае-июне 1917 г. «Республиканского центра» входило водворение, восстановление армейской дисциплины и поддержка сильной власти. К деятельности организации были причастны и будущие деятели белого движения (с. 212–214).

Вскоре на слуху стал термин «республики» и с негативным оттенком. Д. И. Иванов отмечает, что «республиками» еще со времен событий 1905–1907 гг. именовались небольшие районы, которые выходили из подчинения правительству, установив самоуправление. Первым широко известным случаем стала «Шлиссельбургская республика» в конце апреля 1917 г. «Республика», понимаемая с того момента как воплощение страха перед сепаратизмом, самоуправством и хаосом, постепенно получала устойчивые негативные коннотации, а причастность ряда деятелей к республикам 1905–1907 гг. могло способствовать

росту политического авторитета. Но «республики» 1917 г. республиканскому правительству обычно противопоставлялись (с. 220). Провозглашение 1 сентября 1917 г. России республикой вызвало разную реакцию. Черносотенцы подчеркивали, что республику объявили люди, захватившие власть, а не народ, который может восстановить царское самодержавие. Консерваторы и умеренные круги испытывали недовольство, считая, что форму правления может установить лишь Учредительное собрание. Радикалов-социалистов возмутило, что республику не объявили демократической (с. 226).

К. А. Тарасов соотносит образ партии большевиков в текстах ее главных оппонентов¹⁵. До середины 1917 г. понятие «большевики» в печати, особенно провинциальной, встречалось редко; чаще писали о «ленинцах и большевиках», указывая на их общие цели. Из всех партий наиболее последовательно разделяли «ленинцев» и большевиков меньшевики. Социал-демократы пытались продемонстрировать, что сторонники Ленина — немногочисленная группа, более узкий круг, чем большевики в массе. Автор вывел причины такой репрезентации как попытку изолировать сторонников Ленина, выступавших против блокирования с меньшевиками-оборонцами, от других большевиков. На Общероссийской конференции РСДРП в мае 1917 г. поднимался вопрос объединения ряда социал-демократических течений (в провинции, например на востоке России, эти тенденции были сильны до осени 1917 г.). В июне 1917 г. часть делегатов I Всероссийского съезда Советов заявляла, что они большевики, но не «ленинцы» (с. 237). События июля 1917 г. стали для социал-демократов поводом изолировать «ленинцев» от остальной партии.

Тогда же понятие «большевизм» часто употреблялось как синоним «максимализма». Выдвигались и прямые обвинения в анархизме. Г. В. Плеханов называл умеренных социалистов «полуленинцами». П. Н. Милюков в термин «большевики» вкладывал критику эсеров и меньшевиков. Правые силы обвиняли В. М. Чернова в службе Германии, заявляя, что его роль в развале страны равна ленинской. Упреки адресовались даже известным оппонентам Ленина. Так, газета эсеров «Дело народа», в состав редколлегии которой входили оппоненты Ленина — В. М. Зензинов и В. М. Чернов, — получила название «большевистской» из-за статей эсера С. Д. Мстиславского по вопросу о войне. И эта критика исходила из правоэсеровской газеты «Воля народы». В конце августа 1917 г. И. Г. Церетели назвал агитацию меньшевиков-интернационалистов «большевизмом второго сорта» (с. 243–249).

К. А. Тарасов уделил внимание иному аспекту данного термина — «большевизм справа». В июле 1917 г. эсер Чернов назвал «правым большевизмом» протесты «цензовой и помещичьей России» против нового аграрного законодательства. В августе уже сам А. Ф. Керенский обещал бороться и с «анархией слева», и с «большевизмом», и с «большевизмом наизнанку», говоря о силах контрреволюции (с. 253). 23 августа 1917 г. Церетели назвал Милюкова большевиком «справа». После мятежа Л. Г. Корнилова сторонников генерала называли «большевиками справа». В итоге автор тщательно изучил изменения образов «большевиков» за 1917 г., показав, что политическое пространство тогда было

немыслимо без большевиков, через отношение к ним складывалась система всего спектра сил, борющихся за власть (с. 263).

В следующей статье К. А. Тарасов анализирует использование слов «большевизм» и «большевики» с целью понять, что именно маркировалось этими терминами и вытеснялось за границы нормального поведения¹⁶. Оппоненты РСДРП(б) постоянно подчеркивали, что она стоит во главе «малоразвитой, неприязнительной» массы. Издание «Московский листок» отказало большевикам в праве называться политической партией. Большую лепту внес миф о большевиках как «шпионах Германии». Но К. А. Тарасов, указывая, что обыватель был, по сути, пресыщен слухами о «немецких деньгах большевиков», обращает внимание и на иное распространенное обвинение — «большевиков как агентов охраны и провокаторов» (с. 274). После июля 1917 г. в работе на охранку обвинили Л. Б. Каменева. Пресса муссировала слухи, что все солдаты на фронте, сторонники отказа от боевых действий, оказывались бывшими жандармами и полицейскими. Жители провинции воспринимали солдат и матросов, пребывающих в отпусках, как большевиков и анархистов. Карикатуры намекали, что «ленинцы» — «перекрашенные» экс-жандармы. Пресса призывала бороться с большевиками как с формой контрреволюции. Даже монархическую и антисемитскую газету «Гроза» после материала, где говорилось, что «продолжать войны безумно и преступно», обвинили в большевизме (с. 277–283).

«Большевизм» стал своего рода ярлыком для обозначения тех, кого можно назвать врагами революции. Внутренний враг был нужен сторонникам активных военных действий на фронте для массовой патриотической мобилизации, а сторонникам укрепления центральной власти — для консолидации граждан. Границы «большевизма» необоснованно «ширились», впитав в себя самые разные негативные образы. К. А. Тарасов такое направление назвал «деполитизацией» политического противника (с. 294–295).

П. Г. Рогозный, точно датируя появление термина «большевизм», анализирует его использование в духовной среде¹⁷. С выпуском «Апрельских тезисов» Ленина близкие по значению словосочетания «церковный большевизм», «церковные большевики/ленинцы», «церковное ленинство» распространились внутри церкви. Но в 1917 г. в эти термины вкладывались разные понятия. Так, «Всероссийский церковно-общественный вестник» называл «церковными большевиками» лиц, недовольных деятельностью Синода; по иронии судьбы редакцию издания вскоре обвинили в «большевизме» и антицерковности (с. 297–299). Но и до октября 1917 г. ряд деятелей церкви публично именовали себя большевиками. А с приходом большевиков к власти 2 апреля 1918 г. на Поместном Соборе зачитали заявление 87 членов о борьбе с церковным большевизмом (с. 308). П. Г. Рогозный резюмирует, что термин «церковный большевизм» стал политическим ярлыком (как и «черносотенец», «монархист», «буржуй», «распутинец»), но без четкого смысла. Им обозначали радикализм требований, а потом и неподчинение церковной власти. Но тот, кто именовал себя «церковным большевиком», мог не разделять идеи РСДРП(б) (с. 325). Эти суждения любопытны в силу того, что религиозный фактор сыграл значимую роль в политических процессах тех лет¹⁸.

В заключении вернемся к труду А. В. Резника — он цитирует лингвиста С. О. Карцевского, писавшего в 1923 г.: «Большинство слов и выражений было переосмыслено под политическим углом, в частности и особенно под влиянием гражданской войны, которая оставила после себя значительное языковое наследство именно потому, что это была не просто война, а политическая борьба с оружием в руках» (с. 151). Рецензируемый сборник позволяет реконструировать нарастание напряжения в обществе и ход эскалации Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. Издание воссоздает картину накопившихся в стране к 1917 г. противоречий, (недо)понимания будущего устройства общества на фоне разного восприятия одних и тех же терминов.

Да, авторы провели огромную работу с источниками, не будучи ограниченны лишь Петроградом и Москвой. Но, на наш взгляд, в этом сборнике был бы уместен труд с акцентом на политической полемике в отдельном макрорегионе. Первостепенен здесь восток России, где в 1918–1919 гг. существовала самая мощная несоветская альтернатива государственного развития страны, а политическая культура антибольшевистской Сибири, олицетворяемая военно-буржуазной атмосферой белого Омска, обладала оригинальной и противоречивой риторикой. Не случайно современные историки стремятся уйти от шаблонных суждений, широко переосмысливая события драмы 1917–1922 гг. в России¹⁹. В связи с этим рассмотренное издание заслуживает пристального внимания, не только обнажая дискуссии по политической и социальной истории, но затрагивая историю образов, историю эмоций, антропологию и повседневность, что особенно важно, — позволяя через особенности языка увидеть всю жестокость Гражданской войны.

¹ Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 17.

² Неретина С. С. Пауза созерцания, или О сослагательном наклонении в истории // Идеи и Идеалы. 2017. № 3, Т. 1. С. 51.

³ Годунов К. В. «Гражданская война»: политическое использование понятия весной 1917 г. // Слова и конфликты... С. 37–59.

⁴ Шмелев А. В. Революция или смута? Полемика о событиях 1917 г. и последующих лет // Там же. С. 60–80.

⁵ Циткин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2012. С. 228.

⁶ Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 11.

⁷ Иванов Д. И. «Анархия» и анархисты // Слова и конфликты... С. 81–102.

⁸ Шубин А. В. Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013. С. 15.

⁹ Саблин И. В. «Гражданский мир» и парламентские учреждения в имперской трансформации 1905–1922 гг. // Слова и конфликты... С. 105–127.

¹⁰ Разиньков М. Е. Мир и порядок: ускользающие смыслы русской революции // Там же. С. 128–148.

¹¹ Молодяков Э. В. Первая мировая: война, которой могло не быть. М., 2012. С. 187.

¹² Резник А. В. Вожди революции и легитимация Гражданской войны // Слова и конфликты... С. 151–179.

¹³ *Икэда Е.* «Гражданин» в революционном дискурсе, февраль 1917 — июль 1918 г. // Там же. С. 180–203.

¹⁴ *Иванов Д. И.* Республика и «республики» // Там же. С. 204–230.

¹⁵ *Тарасов К. А.* «Ленинцы» и «большевики» в политическом языке 1917 г. // Там же. С. 233–264.

¹⁶ *Тарасов К. А.* «Большевизм» как собирательный образ врагов революции в 1917 г. // Там же. С. 265–295.

¹⁷ *Рогозный П. Г.* «Церковный большевизм» (история развития термина) // Там же. С. 296–325.

¹⁸ *Сушко А. В.* Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 34–42.

¹⁹ *Ходяков М. В.* Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Т. 6. СПб., 2018. С. 124.

Статья поступила в редакцию 14 июня 2023 г.

Рекомендована к печати 10 октября 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стельмак М. М., Петин Д. И. Российская революция: Слово и Дело [Рец. на кн.: Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России/ под ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 328 с. (Эпоха войн и революций; вып. 16)] // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 189–201.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.112>

Аннотация: Публикация представляет собой аналитический обзор сборника статей, подготовленного группой ученых-историков под эгидой Европейского университета в Санкт-Петербурге. Авторский коллектив издания представлен сторонниками междисциплинарных исследований, специализирующихся на изучении социальной и общественно-политической истории России начала XX в. Цель нашей работы в том, чтобы с теоретических позиций принципов системности и детерминизма рассмотреть книжную новинку как явление в современной историографии революции и Гражданской войны в России. В силу специфики темы основной научный метод, примененный в рецензии, — проблемный. Подчеркивается актуальность взглядов, оригинальный подход и методология широкий спектр источников, использованных авторским коллективом при изучении проблемы. Сборник статей дает возможность расширить представления о событиях и явлениях в жизни Российского государства и общества в эпоху социальных катаклизмов 1917–1922 гг. Прошлое при этом трактуется в том числе сквозь дискурс истории образов, истории эмоций, антропологии и истории повседневности. Вместе с тем, наряду с достоинствами издания, в финальной части обзора указаны отдельные субъективные критические пассажи. Они не снижают общего положительного впечатления о рецензируемом труде и видятся как пути дальнейшей развития темы (в частности, через обращение к региональному опыту). На наш взгляд, анализируемая наработка, отличающаяся богатым фактическим материалом, может быть полезна специалистам в нескольких областях исторического знания. Данный обзор адресован исследователям исторической науки, российской историографии, истории Революции и Гражданской войны в России.

Ключевые слова: историческая наука, имагология, политическая история, русская революция, Гражданская война.

Сведения об авторах: *Стельмак М. М.* — канд. ист. наук, Исторический архив Омской области (Омск, Россия); stelmakmm@mail.ru | *Петин Д. И.* — канд. ист. наук, доц., Омский государственный технический университет (Омск, Россия); dimario86@rambler.ru

Исторический архив Омской области, Россия, 644033, Омск, ул. Красный Путь, 153/4

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, Омск, пр. Мира, 11

FOR CITATION

Stelmak M. M., Petin D. I. Russian Revolution: Word and Deed [Review on: Words and conflicts: The language of confrontation and the escalation of the Civil War in Russia. St. Petersburg: EUSP Press, 2022. 328 p. (The Age of Wars and Revolutions; num. 16)], *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 1, 2024, pp. 189–201. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.112> (In Russian)

Abstract: The publication is an analytical review of a collection of articles prepared by a group of historians under the auspices of the European University in St. Petersburg. The purpose of our work is to consider the book novelty as a phenomenon in the modern historiography of the Revolution and the Civil War in Russia from the theoretical standpoint of the principles of system and determinism. Due to the specifics of the topic, the main scientific method used by us in the review is problematic. The relevance of the views, the original approach and methodology of a wide range of sources used by the team of authors in the study of the problem are emphasized. The collection of articles makes it possible to expand the understanding of events and phenomena in the life of the Russian state and society in the era of social cataclysms of 1917–1922. At the same time, the past is interpreted, including through the discourse of the history of images, the history of emotions, anthropology, and the history of everyday life. At the same time, along with the merits of the publication, the final part of the review contains some subjective critical passages. They do not reduce the overall positive impression of the reviewed work and are seen as ways to further develop the topic (in particular, through an appeal to regional experience). In our opinion, the analyzed work, which is distinguished by rich factual material, can be useful to specialists in several areas of historical knowledge. This review is addressed to researchers of historical science, Russian historiography, the history of the Revolution and the Civil War in Russia.

Keywords: historical science, imagology, political history, Russian Revolution, Civil War.

Authors: *Stelmak M.M.* — PhD in History, Historical Archive of the Omsk Region (Omsk, Russia); stelmakmm@mail.ru | *Petin D. I.* — PhD in History, Associate Professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russia); dimario86@rambler.ru

Historical Archive of the Omsk Region, 153/4, ul. Krasnyy Put', Omsk, 644033, Russia

Omsk State Technical University, 11, pr. Mira, Omsk, 644050, Russia

References:

- Godunov K.V. "Civil War": Political use of the concept in the spring of 1917', *Slova i konflikty:azyk protivostoyaniia i eskalatsiia Grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Ivanov D. I. "Anarchy" and anarchists', *Slova i konflikty:azyk protivostoianiiia i eskalatsiia Grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Ivanov D. I. 'Republic and "Republics"', *Slova i konflikty:azyk protivostoianiiia i eskalatsiia Grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Ikeada E. "'Citizen" in revolutionary discourse, February 1917 — July 1918', *Slova i konflikty:azyk protivostoyaniia i eskalatsiia Grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Kolonitsky B. I. 'Introduction', *Slova i konflikty:azyk protivostoianiiia i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Khodjakov M. V. 'Answers to questions on the history of the Civil War in Russia' in *Rossiiia v epokhu revoliutsii i reform. Problemy istorii i istoriografii*, vol. 6 (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Molodyakov E. V. *First World War: a war that could not be* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Neretina S. S. 'Paus of contemplation, or about a subjunctive inclination in history', *Idei i Idealy*, vol. 1, no. 3, 2017. (In Russian)
- Petin D. I., Stelmak M. M. 'Pedagogy in the archive in the service of overcoming modern myths of mass consciousness about the Civil War in Russia', *Omskiy nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriia. Sovremennost'*, no. 3, 2018. (In Russian)
- Razinkov M. E. 'World and order: elusive meanings of the Russian revolution', *Slova i konflikty:azyk protivostoianiiia i eskalatsiia Grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Reznik A. V. 'The leaders of the revolution and the legitimation of the Civil War', *Slova i konflikty:azyk protivostoyaniia i eskalatsiia Grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)

- Rogozny P.G. "Church Bolshevism" (history of the development of the term)', *Slova i konflikty: lazyk protivostoianiya i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Sablin I.V. "Civil World" and parliamentary institutions in the imperial transformation of 1905–1922', *Slova i konflikty: lazyk protivostoianiya i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Sushko A.V. 'The role of Religion during the Civil War in Russia (on the example of processes in the Omsk and Pavlodar Diocese)', *Omskiy nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istorii. Sovremennost'*, vol. 7, no. 2, 2022. (In Russian)
- Shmelev A.V. 'Revolution or Troubles? Polemic about the events of 1917 and subsequent years', *Slova i konflikty: lazyk protivostoianiya i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Shubin A.V. *Great Russian Revolution: from February to October 1917* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Shubin A.V. *Makhno and his time: about the Great Revolution and the Civil War of 1917–1922 in Russia and Ukraine* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Tarasov K.A. "Bolshevism" as a vibrant image of the revolution in 1917', *Slova i konflikty: lazyk protivostoianiya i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Tarasov K.A. "Leninites" and "Bolsheviks" in the political language of 1917, *Slova i konflikty: lazyk protivostoyaniya i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Tsipkin Yu. N. *Civil War in the Far East of Russia: The formation of anti-Bolshevik regimes and their crash (1917–1922)* (Khabarovsk, 2012). (In Russian)

Received: June 14, 2023

Accepted: October 10, 2023